

Леонид Леонид
Максимович

31.5.94

160

КУЛЬТУРА

ОН ЖИВЕТ САМ ПО СЕБЕ

Сегодня Леониду Максимовичу Леонову — 95

ЛЕОНОВ давно уже больше молчит, чем говорит. Много лет прошло, как закончил он свой последний роман, но из рук в печать не выпускал. В середине 70-х — помните — опубликовал отрывок из него — «Мироздание по Дымкову», потом еще два небольших фрагмента: «Последняя прогулка» и «Спираль». В них проступал какой-то новый Леонов с неожиданным художественным «кодом» — мысли и чувства. И вот на днях — наконец-то! — роман выходит приложением к журналу «Наш современник» усилиями его главного редактора Станислава Куняева, сумевшего найти необходимые средства на это и уговорить писателя. Вообще Леонов не любит расставаться с написанным: правит, уточняет, перерабатывает. Даже если вещь опубликована, писатель готов еще раз ее переделывать. Не всегда это приводило к большему совершенству, у коего, конечно, нет предела. Один из лучших его романов «Вор» (1927 год) спустя тридцать лет был, по существу, весь переписан, но свежесть авторского дыхания там, в далеких 20-х, все-таки ощутимее. Конечно, авторская воля — дело серьезное, но и читатель тоже вправе судить...

А вот что бесспорно: Леонов никогда не торопился. Может, чувствовал, что жить ему дано долго и основательно. В толстых романах — от «Барсуков» и «Вора» до «Русского леса» и «Мироздания по Дымкову» — каждая фраза словно вырезана по металлу. Он и сам заметил как-то, что детали должны быть прорисованы до предела точности, как на старинной медной или стальной гравюре. Однажды попалась мне на глаза страница его рукописи: мельчайший, аккуратный почерк остро отточенного карандаша со многими вклейками, добавками, врезками... Кажется, его рукописная страница вмещает пять-шесть обычных страниц на машинке. Здесь не

только стремление уместить больше слов на листе бумаги; здесь и желание уплотнить слово до предельной смысловой насыщенности. Так было у его старших современников Алексея Ремизова и Евгения Замятина: каждое слово самоцветно и самородно.

Может быть, поэтому при чтении романов Леонова подступает холодящее чувство многократного смыслового эха дальних и близких времен: в них — целая история народа как полноцветный мир шекспировских страстей, манящих интеллектуальных исканий, истовых людских характеров. И над обжигающей лавой истории звучит чистый, неторопливый голос повествователя: в таинственном мерцании завораживающих слов, в изысканной вязи фраз, в богатейших переливах интонации — от иронической улыбки до саркастической усмешки. При этом с молодых лет Леонов сумел сберечь в себе и такие непреходящие качества художника, как простодушие и вера. Язык, по словам Леонова, ныне требует нового к себе подхода: «сегодня уже страница как некое вместилище должна искать уйму запасных емкостей».

Но такой Леонов во многом еще не прочитан, а емкости его не освоены, хотя пора бы. Критиков нередко в леоновских романах «раздражала сумбурность сочинительского замысла». Писатель Фирсов из романа «Вор» (персонаж, близкий авторскому сердцу) «прибегал к постоянному взмучиванию сюжета, отчего при чтении повествование как бы двоилось и происходила некая рябь в глазах»...

«Некая рябь в глазах» и препятствовала сведению романов Леонова к привычным идеологическим схемам. И еще нужно учесть, что он не любит растолковывать им написанное: он сказал, что хотел, и хотел сказать то, что сказал. Выходили сотни исследований, книг и статей, у нас и за границей, а страницы леоновских книг еще по-

дернуты пленкой конъюнктурных, догматических и спекулятивных толкований. К нему пристраиваются уличные криквы, его хотят сделать союзником зыбких рассудочных конструкций.

А он живет сам по себе, ощущая себя то ли «сыщиком на счет сердечных и умственных тайностей», то ли «застройщиком пустопорожних мест, балаганщиком с мешком недоделанных кукол». То ли «соглащаем будущему».

В ПОРУ разнузданной русской речи, разухабистой словесности, когда в новейшей прозе возобладали вполне обезьяньи язык и манеры, — слово Леонова подобно опорной кладке, удерживающей отчую нашу речь от сползания в сточные канавы словоблудия. Ведь изуродовать — и означает вырвать из рода, коему ты обязан «божественным даром разумной речи» (Б. Пастернак). Книги Леонова решительно восстают против такого поворота нашей духовной жизни.

Леонов неотступно раздумывает об «исподней сущности нынешнего момента». Он давно уже догадался, что все ласы об экономическом и прочем прогрессе — это приближение нашими же руками «эры некоторо-

го измельчания» с сомнительным благополучным концом, это «неминучая перестройка порядком ниже» (из «Мироздания по Дымкову»). Мастер Пчхов, в натуральности Пухов, еще раньше, в романе «Вор», заметил, что две тысячи лет назад человеку была обещана райская жизнь, да что-то дорога к ней оказалась слишком извилистой.

Беда в том, что «во все века людям хватало наличных сведений для объяснения всего на свете». Поэтому «никогда не успеваем мы разглядеть толком ни самих себя, ни очертаний колыбели, где дремлем».

Еще в 60-е годы Леонов смог вопреки непромокаемому официальному оптимизму громко заговорить о «мобилизующем действии трезвого пессимизма»: «Сия возможность живо вообразить возможную изнанку некоторых парадных иллюзий хотя и может омрачить тихие радости от рыбалки и бесед, проводимых в теплой дружественной обстановке, все же представляется мне далеко не бесполезной в нынешнем мире — сплошь в минных полях, волчьих ямах да ноголомных трещинах».

Он всегда чувствовал за своими плечами тысячелетнюю отчую культуру — когда защищал Русский лес, когда защищал Русскую речь от полуграмотных реформаторов. Или сокровища отечественной древности. Он не убоился в середине 30-х пренебречь прямым советом Сталина изменить некоторые страницы в романе «Дорога на Океан»; зато нарвался потом на злобную критику репутильных оценщиков...

Чего там мелочиться — вспомним более важные факты: почти все романы Леонова выдержаны в традициях трагических повествований (опять же от «Барсуков» и «Вора», от «Дороги на Океан» — вплоть до «Мироздания по Дымкову», где открываются в сновидениях неутомимого студента Никанора Втюрина и Дуни Лоскутовой

почти апокалиптические картины). Писателя всегда интересовал «человек без орнамента», без всяких там жетонов и значков, нацепленных на груди, т. е. человек сам по себе, несущий в памяти своей тысячелетние навыки. Время в леоновских романах — разреженное и грозное, то сжимается до плотности горящей плазмы, то взрывается до космических пределов...

Едва ли летом 21-го года молодой сотрудник газеты «Красный воин», недавно пришедший с фронтов гражданской войны и оказавшийся без жилья в родном московском Зарядье, с сундучком в руках, набитом рукописями и рисунками, представлял, что ему предстоит путь длиной в столетие. И он до сих пор с благодарностью вспоминает своих учителей-наставников, добрых людей, которые тогда помогли ему. Слесаря Васильева, устроившего его на время у себя на Якиманке, художника Фалилеева, отгородившего большим холстом угол в своей мастерской для молодого скромного журналиста, писавшего что-то по ночам... Известного издателя Сабашникова, который послушал в мастерской Фалилеева чтение Леоновым первых его рассказов, потом подошел и сказал: «Мы бы выпустили книгу...»

Однажды Леонид Максимович Леонов обмолвился, что «на каждом писателе есть одно тавро, метина, которая идет через всю жизнь, сквозная музыкальная мелодия».

У Леонова — «тавро» Мастера, несущего в себе духовный опыт столетия.

Да, за последние две тысячи лет люди пока еще не выяснили в точности, в чем она заключается, Истина. Но ведь без стремления к ней «не стоило питекантропам начинать эту столетнюю бузу под названием шествие к звездам».

Вл. ВОРОНОВ.

Фото

Дмитрия БАЛТЕРМАНЦА.